

НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА БРАТЧИКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «КАЛЕВАЛЫ» В ЖАНРЕ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

А н н о т а ц и я . Основной фокус исследования – анализ инновационной адаптации памятника эпической поэзии «Калевала» в формате графического романа К. Гуйтулой и С. Макконеном. Показано, как визуально-текстовые средства комикса трансформируют эпическую поэтику «Калевалы». Предтечей переосмыслений в трактовке персонажей стали иллюстрации учеников школы Филонова. Новаторство Гуйтулы и Макконена заключается в радикальном переходе от канонических иллюстраций к комикс-панелям и далее эстетике темного фэнтези с акцентом на психологизм персонажей, сюрреалистичные пейзажи и хоррор-элементы. Раскрываются уникальные приемы синтеза текста и визуала: многоуровневые диаграммы рун, цвет как нарративный инструмент, этнографические орнаменты. Среди художественных новаций отмечается визуальная реинтерпретация ключевых символов: сампо представлен как многомерный артефакт, сочетающий магические и технологические черты. Анализируется акцентуация «темных» сюжетных линий (трагедия Куллерво, агрессивность Лоухи, мотив смерти), что раскрывает психологическую глубину персонажей. Графический роман сокращает дистанцию между древним текстом и молодежной аудиторией, используя формат, привычный для цифровой эпохи. Исследование доказывает, что визуальная нарративизация «Калевалы» не только сохраняет мифологическую сущность эпоса, но и создает новые смысловые слои. Автор публикации приходит к выводу, что адаптация Гуйтулы и Макконена подтверждает статус «Калевалы» как живого культурного кода, способного к регенерации в современных медиа. Это позволяет говорить о возникновении диалога между традицией и современным искусством, где гибридизация форматов обогащает восприятие архетипических образов, обеспечивая актуальность эпоса для новых поколений через интерактивность визуального нарратива.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Калевала», Филонов, Гуйтула, Макконен, графический роман, темное фэнтези, визуальная философия, вербальный язык, звукопись

Д л я ц и т и р о в а н и я : Братчикова Н. С. Переосмысление «Калевалы» в жанре графического романа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1340

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – исследовать революционную трансформацию визуального языка «Калевалы» в графическом романе. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть визуальные решения художников, 2) выявить конкретные приемы, использованные ими для переосмысления текста, 3) установить, какой новый смысловой слой или эмоциональное переживание они создают по сравнению с текстовым оригиналом. Предметом исследования является

совокупность визуальных и нарративных стратегий, использованных К. Гуйтулой и С. Макконеном в их графических романах по мотивам эпоса «Калевала». Можно выделить несколько ключевых моментов в предмете исследования, а именно процесс и механизмы трансформации (адаптация vs. переосмысление); специфические инструменты графического романа (стиль рисования, использование цвета и тени, компоновка панелей, монтаж); нарративные стратегии (последовательность панелей, пробел между пане-

лями, символика цвета и визуальные метафоры, оформление текста), культурный и интерпретационный сдвиг (модернизация древнего эпоса для современного читателя).

Методологическая база и методы исследования заключаются в применении концепции «визуального поворота» [11], где визуальные образы становятся главным инструментом репрезентации культуры, смещая фокус с текста на изображение; обращении к приемам визуальной герменевтики, позволяющей рассмотреть, как значения формируются и воспринимаются через визуальные элементы и как эти значения могут быть интерпретированы и поняты. В работе использован метод иконографического анализа, заключающийся применительно к материалу исследования в сопоставлении оригинального эпоса, новаторских художественных решений (иллюстрации учеников школы П. Филонова) с графикой К. Гуйтулы и визуальным переосмыслением С. Макконена.

Контекстуальный анализ позволил изучить интертекстуальные связи произведений искусства с мифологическими источниками. Используя язык панелей, жестов, цвета и типографики, Гуйтула и Макконен трансформируют сам процесс восприятия древнего эпоса, открывают новые измерения для знакомых сюжетных структур и тем. Художники интегрируют глобальные комикс-традиции в финский контекст, обновляя восприятие национального эпоса. Трансформация рун карельского и финского народов в формат графического романа произведена благодаря сочетанию традиционных мифологических сюжетов с элементами мистики и темного фэнтези. Динамичность и современная эстетическая выразительность делают произведение доступным для массовой аудитории.

Чем объяснить тот факт, что «Калевала» оказывается в фокусе внимания исследователей и художников из разных культур значительно чаще других эпосов? Объяснение дал доктор исторических наук, действительный член Академии наук СССР И. М. Майский в предисловии к книге «Калевала: финский народный эпос» (1933), которое до сих пор актуально:

«“Калевала” в необыкновенно ярких формах воплотила то, что можно назвать финским национальным характером. Поэтому, не зная “Калевалы”, трудно понять Финляндию – ее природу и ее людей» [1: VII].

Взгляды художников на визуализацию памятника эпической поэзии, созданного на основе рун карельского и финского народов, постоянно эволюционируют. Первые картины на темы «Калевалы» датируются XIX веком. Они созданы

художником А. Галлен-Каллелой, чьи работы («Защита Сампо», «Проклятие Куллерво», «Мать Лемминкяйнена», триптих «Айно») стали каноническими. Его стиль, сочетающий символизм и национальный романтизм, задал стандарт визуального прочтения эпоса¹ [2], [3].

ГРАФИКА ХУДОЖНИКОВ МАИ

Для нашего исследования наиболее интересны смелые эксперименты в иллюстрировании произведения. Мы считаем, что именно они проложили путь к новым графическим трактовкам «Калевалы». Одним из самых ярких, «революционных» интерпретаций эпоса стало его издание, выполненное мастерами аналитического искусства (МАИ), учениками школы Павла Филонова (1933)² [4].

Необычность трактовки рисунка заключается в разрушении перспективы, что позволяло художникам имитировать мифологическое восприятие мира. Как отмечает исследователь Е. Г. Соини, «ощущение архаичного мира, смена эпох древних и исторических, чередование небесного и земного подчеркивается формами “неопримитивного” рисунка» [6: 429]. Примитивизм помог показать трагизм эпоса. Филоновцы предложили для «Калевалы» визуальный язык, возвращающий зрителя к мировосприятию истоков человеческой культуры. Оригинальность трактовки основных героев произведения (колдун Вяйнямейнен, кузнец Илмаринен) заключается в их гипертрофированных изображениях. Угловатые силуэты, массивные части тела, архаичные маски вместо лиц формируют эпическую мощь образов. Аналогичное представление персонажей мы встретим в XXI веке в графических версиях эпоса.

Хаотичные композиции в трактовке группы МАИ позволяют передать сцены битв и магических ритуалов. В них символика доминирует над сюжетом: переплетение линий топоров, копий и деревьев передает «визуальный шум». Таким образом графический рисунок создает звукопись.

Колористическое решение глубоко продумано художниками. Как писал П. Филонов издателям книги, обращая их внимание на цветовую гамму обложки,

«неправильно подобранные цвета и силовые отношения цветов превращают переплет в какую-то вычурную азиатчину, как дамасская сталь, а в “Калевале” мы имеем дело с северо-западом Европы в сложнейших национальных взаимовлияниях, на что и рассчитан наш рисунок переплета»³.

В цветовом исполнении суперобложки преобладает красный, следуя традициям декоратив-

но-прикладного искусства Карелии, Финляндии и Русского Севера. Иллюстрации выполнены в черно-белых тонах, синий символизирует реки и деревья в инее, черный – скалы. Ученики школы П. Филонова передали национальный колорит эпоса. Оценивая рисунки группы МАИ, исследователь Е. Ковтун метко заметил, что

«в беспредметных структурах <...> вкраплены изображения зверей, птиц, лодок и людей. В этом сложном сплаве возникает образ Финляндии, изрезанной синевой озер, окруженных замшелыми гранитными грядками, хвойными лесами. Суоми предстает перед зрителем как бы с высоты птичьего полета, не только в зримом, но и в умопостижимом образе...»⁴.

Лесные пейзажи, орнаментальные линейки и подстрочные изобразительные строчки-концовки напоминают натурные зарисовки или несут в себе впечатления от конкретных видов природы. Однако есть ландшафтные наброски умоглядного характера, которые перекликаются с графическими версиями «Калевалы», выполненными спустя более чем полвека финскими художниками К. Гуйтулой (1999, 2000) и С. Макконеном (2025). Их природные зарисовки вызывают у читателей устойчивые ассоциации (высокая волна → шторм; поваленное дерево → буря; полный парус → ветер).

Иллюстрации МАИ сопровождают лишь несколько рун⁵. Иллюстрируя руны, Филонов и его ученики не ставили задачей составление связного рассказа в картинках, в то время как авторы графических версий «Калевалы» стремились создать последовательную историю в изображениях. У филоновцев каждый рисунок – это многомерный мини-рассказ о герое рун, соединяющий в себе временные действия и события. Иллюстрации обладают четкой этнографической соотнесенностью, динамизмом художественной концепции, многослойностью в то время, как в комиксе каждый рисунок – это стоп-кадр, конкретный эпизод, который фиксирует действие в моменте, словно останавливая время для постижения события.

Другим оригинальным проектом является трактровка сборника рун, предложенная в 1999 году Кристианом Гуйтулой (Kristian Huitula, род. в 1973). Неожиданной и даже в некотором смысле революционной стала форма презентации произведения. «Калевала», которая считается одним из краеугольных камней финской национальной культуры, представлена художником в виде графического романа (комикса)⁶. Если иллюстрации по мотивам «Калевалы» в различных жанрах живописи и графики выполняются художниками разных стран, то комиксы созда-

ются преимущественно финскими мастерами⁷. Интерпретация памятника эпической поэзии «Калевала» в исполнении Гуйтулы иллюстрирует литературные сюжеты и события всех пятидесяти рун и позволяет пережить знакомую историю в совершенно новом свете.

ГРАФИКА ГУЙТУЛЫ

Роман представлен в стиле фэнтези, в котором много магии, и описываемые события носят масштабный характер. Графические иллюстрации выполнены в монохромном цвете. Чередование черного и белого передает конфликт между жизнью и смертью, добром и злом, светом и мраком. Хотя в рисунках объем не моделируется натуралистично, активный темный контур, присущий изображению, делает их жесткими, обособленными и замкнутыми. Светлый тон связан с описанием жизни народа Калевалы, темный олицетворяет суровый северный край Похьёлу.

В панелях размещаются рисунки, созданные по мотивам карело-финских рун. Они отделяются друг от друга гаттерами (перемычками, или дорожками). Перемычки имеют разную ширину. Чем шире разделительная полоса, тем значимее последующий эпизод. Динамику повествованию придает также направление гаттеров – вертикальное или горизонтальное. Горизонтальная дорожка указывает на продолжение развития эпизода, вертикальная – на его завершение. Например, руна, описывающая гибель Айно, представлена на одном графическом листе семью рисунками-кадрами, каждый из которых отделен широкой вертикальной полосой и является самодостаточным, при этом сохраняется плавность повествования. Гаттеры упрощают и делают более удобным визуальное восприятие содержания произведения. В комиксе они имеют мало общего с подстрочными изобразительными строчками-концовками, которые мы встречаем в иллюстрированной версии «Калевалы» художников МАИ.

В графическом романе Гуйтулы встречаются накладываемые друг на друга рисунки без перемычки. В таком варианте динамику событиям передает смена «крупностей», формируя зрительские ожидания. На одном из графических листов в его верхней части крупным планом нарисована голова девы Ильматар. Чуть ниже портрета в «баллонах» (бабблах) прямоугольной формы дается текст-пояснение, представляющий собой адаптацию руны: *«ветер девушку баю-кал / девицу волна носила / по морским пространствам синим / по высоким гребням пенным, / по-*

*несла от ветра дева, / от волны затяжелела*⁸. В нижней части этого же графического листа среднетонным планом показан силуэт обнаженной женщины на фоне морских просторов. Сбоку в баббле представлен текст по мотиву изображенного сюжета:

«Матерью воды металась / на восток, на запад дева, / двигалась на юг, на север / к самым берегам небесным / в муках огненных рожденья, / в беспощадных болях чрева. / Не родится плод чудесный, / не выходит незачатый» (1).

Насыщенные линии и изображение картинка с нижней точки передают тревожное настроение и атмосферу мучительного ожидания. Выбранный ракурс усиливает драматичность и значимость момента.

Каждый графический лист наполнен деталями, придающими особый колорит и эмоциональную глубину рассказу. Например, на рисунке линии могут быть плавными и напоминать пряди волос девы Севера или бороды Вяйнямёйнена; извилистыми – бурное море; прямыми – полет стрелы. Ломаные линии обозначают удар топоров, мечей, молота и создают эффект звукописи. Острые ассоциируются с превратностями судьбы; волнистые создают утонченный женский образ.

Поскольку у персонажей «Калевалы» нет «определенной иконографии»⁹, читатель видит могущественного колдуна, создателя кантеле, певца старца Вяйнямёйнена, кузнеца, создателя сампо Илмаринена, любимца женщин, отважного Лемминкяйнена, хитрую и вредную хозяйку Севера Лоухи, наглого лапландца Йоукахайнена, несчастного, одинокого Куллерво в визуальном исполнении финского художника Гуйтулы, что добавляет новую глубину и интерес к их характерам и судьбам.

В трактовке женских образов прочитывается эстетика кавайи, которая позволяет передать мифологичность персонажей, создать ощущение жуткости, страха и мистики. Утонченные черты лица, большие раскосые глаза, обтекаемые формы женских фигур передают одновременно силу и слабость, незащищенность и агрессивность, эротичность в противопоставлении маскулинности. Такой прием позволяет Гуйтуле сконструировать мифические, сказочные существа с «женским» лицом, придать им человечность.

Трактовка Гуйтулой мужских образов своими корнями уходит в традиции скандинавских саг, где они олицетворяют грубую физическую силу, жесткую, магическую власть. Иллюстрации передают не только внешность персонажей, но и их внутренний мир, их чувства и страсти,

дают возможность прочувствовать все нюансы и противоречия героев, их радости и печали, любовь и отчаяние. Для этого художник играет планами: сверхкрупным – для привлечения внимания к деталям (например, широко открытый рот), среднетонным – для показа лица, крупным – для изображения тотемных животных и птиц (лось, медведь, орел, утка), коней. На периферийном и среднем плане даются этнографические (броши, женская национальная одежда) и ландшафтные детали (хвойный лес, скалы, деревенские избы, лодки-ладьи). Текст располагается столбцами, а также отдельными строчками рядом с иллюстрацией. Простой и легко читаемый шрифт Comic Sans, строго горизонтальная ориентация строк, четкое разделение шрифтовой и изобразительной зон вплетают в иллюстрацию контекст и эмоцию. Они делают историю на картинке осязаемой: текст начинает звучать в воображении.

ТЕКСТ И ЯЗЫК КОМИКСА ГУЙТУЛЫ

Композиционная структура «Калевалы» остается неприкосновенной в романе Гуйтулы. Текст прекрасно дополняет иллюстрации и добавляет контекст. В комиксе Гуйтулы классический текст подвергся следующим изменениям:

1. Произведена структурная компрессия. Поэтические руны (около 23 000 строк в оригинале) сокращены до лаконичных диалогов и описаний. Основной акцент смещен на иллюстрации, передающие сюжет динамично, особенно в сценах битв (например, похищение сампо) и мистических событий. Все 50 рун умещены на 146 страницах комикса. Эпизоды, вроде трагической истории Куллерво или путешествий Лемминкяйнена, поданы фрагментарно, с выделением ключевых сцен.

2. Осуществлена стилистическая адаптация: отсутствуют ритмика трохеического тетраметра и аллитерации, характерные для оригинала. В переводном тексте на русском языке (версия Э. Киуру и А. Мишина) имитируется поэтический стиль, напоминающий карело-финские народные руны:

«Дай-ка, время пронесётся, / день пройдёт, другой наступит, / вновь во мне нуждаться будут, / пожелают, чтобы создал / новое большое сампо, / новый инструмент певучий, / чтобы поднял новый месяц, / новое на небо – солнце, / если нет луны и солнца, / радости не будет в мире» (146).

3. Сделан акцент на визуальный нарратив: эмоции героев (например, гнев Вяйнямёйнена или отчаяние Куллерво) передаются через графику: цвет, композицию, динамику линий, а не через текстовые описания.

В комиксе сохранилась сюжетная целостность, представлены все ключевые события эпоса (создание мира, подвиги героев, борьба за сампо, трагедия Куллерво, уход Вяйнямёйнена), изображены все персонажи. Характеры и роли героев (Вяйнямёйнен как мудрец-шаман, Лемминкяйнен как воин-гордец) соответствуют канону. Диалоги кратко передают суть поступков героев (например, реплики Лемминкяйнена о мести). Мифологическая основа представлена духами природы, противостоянием Похьёлы и Калевалы, а также через магические элементы (кантеле, заклинания, сампо). Культурный контекст представлен через отсылки к финскому фольклору (например, руническое пение в сценах с кантеле). Словами звукопись не передается, а музыкальность обозначается символами (струны кантеле).

Исследователи рун «Калевалы» отмечают многоязычие и многодиалектность карело-финских рун, заключающиеся в использовании «лексических, фонетических, морфологических, синтаксических и фразеологических особенностей восточно-финских, карельских и вепских диалектов и говоров (так называемых карелианизмов)»¹⁰. Насыщенность ими делает ««Калевалу» во многом трудной для понимания ее современным финским читателем» [5: 15]. Для «Калевалы», составленной Лённротом, характерны ритмичность, мощная звукопись (аллитерация), использование устойчивых формул и повторов (как наследие устной традиции), образность через параллелизм и эпитеты. Эти особенности создают гипнотическую, завораживающую атмосферу эпической поэзии, созданной карельским и финским народами.

В комиксе Гуйтулы текстовая запись представлена лаконично: в среднем в баббле размещается от шести до восьми строк, в каждой из которых не более трех слов. Короткая форма повествования не позволяет передать все языковые особенности лённротовской интерпретации.

Помимо графики (линий) динамика действия передается также глаголами:

«На колени муж опёрся, / на руках герой поднялся, / встал, чтоб солнцем / восхищаться, / чтоб луною любоваться, / чтоб с медведицей встречаться, / наблюдать на небе звёзды» (2); *«Вот вытаскивают невод, / выбирают, вытряхают, / высыпают в лодку Вяйно. / Вывалили ворох рыбы»* (136); *«Путь прошла совсем не длинный, / чтобы ягоду увидеть, / чтобы подобрать брусничку, / взять красивыми руками, / кончиками пальцев нежных»* (142); *«Окрестил ребенка старец, / наспех окропил мальчонку, – / королем нарёк карельским, / властелином вышшим / сделал»* (145).

Иллюстрации в комиксе больше служат подспорьем к тексту, чем выступают как самостоятельный сторителлинг.

В русскоязычной версии комикса сохранены формульные повторы:

«укко, бог верховный, всей вселенной повелитель» (2), *«вековечный Вяйнямёйнен, рода славный песнопевец»* (3), параллелизм: *«на осколки расколось, на кусочки раскрошилось»* (3), *«выросли деревья, / поднялась высоко поросль, / только дуб ещё не вырос, / божье дерево не встало»* (4).

Повторы слов используются в тексте как мнемонический прием: *«Стало холодно посевам, / стало стаду неуютно, стало скучно птицам неба, плохо стало человеку»* (134).

В репликах персонажей редко встречаются просторечные слова («паршивец» (11), «недотёпа» (17), «жизнь поганая» (22), «братец милый» (137), «чёртова блудница» (145)); практически отсутствует бранная лексика («шлюха», «потаскуха» (143)); при этом задействуются прилагательные качественной оценки («жалкий», «гадкий») и формы слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («людшки» (9), «рыбина», «мешочек» (15)).

Автор текста часто обращается к метафорам («память бабья», указывая на забывчивость Йоукахайнена), «детский опыт» (о молодости Йоукахайнена) (10); эпитетам («матушка родная» (13), «чёрная морская тина» (14), «день прекрасный» (18), «подлунный мир» (19)) и сравнениям («без оружия муж – как баба, без секиры – как без силы» (139)). Несмотря на ограниченный объем бабблов, в них все же представлены широкие синонимические ряды слов, что сохраняет лексическое своеобразие карело-финской эпической поэзии: «лодка»: «стоуклочинное судно», «ладья под парусами», «челн дубовый» (125), «рыбацкая сеть»: «невод», «льняные сети», «тоня» (135).

Гуйтула трансформировал текст «Калевалы» из поэтического нарратива в опору для визуального сторителлинга, сохранив сюжет и дух эпоса. Критики, например Кит Босли (Keith Bosley), отмечают, что комикс избегает бутафорского пафоса, предлагая «свежий» взгляд [9].

Возвращаясь к словам И. М. Майского о том, что эпическая поэзия помогает понять Финляндию, ее природу и людей, можно сказать, что Суоми в трактовке «Калевалы» К. Гуйтулой представляется как страна-труженица, которая старается достичь счастья и благополучия народа. Зло будет повергнуто. При общей синтезированной пейзажных зарисовок в них создан поэтико-эпический образ Севера с мотивами озер, речных порогов, старинных лодок, деревенских изб и мельниц. «Калевала», созданная на основе рун карельского и финского народов, прославляет добро, труд и созидание.

НОВАТОРСКАЯ ТРАКТОВКА ПЕРСОНАЖЕЙ И СЮЖЕТОВ В КОМИКСЕ МАККОНЕНА

Спустя двадцать лет (2019–2020)¹¹ в литературном мире комиксов появляется новая трактовка «Калевалы», демонстрирующая оригинальность не только в искусстве иллюстраций, но и в трактовке сюжета и образов.

Сами Макконен (Sami Makkonen, род. 1975) радикально трансформирует каноническую версию, используя эстетику темного фэнтези. Руны карельского и финского народов подаются как «визуальная симфония». Финский художник-комиксист интерпретирует традиционные героические персонажи через психологический анализ. Герои мало похожи на богоподобных творцов, в этом обнаруживается сходство с трактовкой образов художниками МАИ.

Автор новой трактовки радикально переосмысливает образ центрального героя «Калевалы», сочетая верность архетипам с модернистской стилистикой. Анализ его интерпретации основывается на визуальных и нарративных приемах комикса. Классический образ «старого, верного Вяйнямёйнена» трансформируется, он представлен как трагический провидец. Макконен изображает Вяйнямёйнена мускулистым великаном с гипертрофированными чертами лица, где длинная борода становится символом не возраста, а архаической силы. Динамика линий подчеркивает его физическую мощь: в сцене шаманского поединка с Йоукахайненом тело Вяйнямёйнена изгибается подобно штормовому ветру, визуализируя его связь со стихиями.

Необычность трактовки заключается в демистификации сакрального: создание кантеле из «костей волшебной шуки» превращается в процесс, напоминающий работу мясника: крупным планом показаны расчлененная рыба и брызги крови. Звукоподражания «КРРААК! КККРААШ!», «ВШШХХ», «ВУУП», «ХУУП» сопровождают дробление костей при разделке чудо-рыбины. Макконен изменяет символику атрибутов: кантеле изображается не как музыкальный инструмент, а как оружие – с острыми струнами, способными разрезать кожу. В эпизоде усыпления Похьёлы (руна 42) его форма напоминает арбалет. Сампо представляется как предмет алчного вождения и конфликта двух конкретных персонажей, а не инструмент, приносящий благо народу Калевалы.

В трактовке образа рунопевца утрачен лиризм: игра на кантеле, усыпляющая Лоухи и всех обитателей Похьёлы, лишается поэтичности. Вместо мелодии изображаются хаотичные звуковые волны («ВУУМММ», «ФУУУМ», «ПФУУУМ»).

Они визуализируются как черные спирали, парализующие врагов.

В комиксе Макконена переосмыслена магия – вместо поэзии показывается ее жестокость, колдовство представлено как насилие. В сцене воскрешения Антеро Випунена (руна 17) Макконен заменяет песенные заклинания физическим вторжением: Вяйнямёйнен буквально разрывает землю кулаками, а не словами. Поглощение героя великаном показано как кровавая схватка в чреве чудовища.

Макконен ломает классическую традицию в изображении других героев: Илмаринен предстает усталым кузнецом со шрамами и ожогами от искр наковальни и интерпретируется как маргинал. Кузнец, кующий чудо-мельницу сампо, представлен второстепенным персонажем. Лемминкяйнен изображен не как доблестный воин, а как жертва, ищущая отмщения.

Классическая трактовка Лоухи [12: 185–187], [10] также подвергается изменениям: Макконен усиливает акцент на жестокости и визуальной агрессии. Лоухи изображается и как колдунья, и как хищная птица-монстр. Так, в сцене кражи сампо трансформация в птицу сопровождается звукоподражанием «КРА-ФУУМ!». Лоухи атакует героев не чарами, а когтями и клювом, буквально разрывая их плоть. Акцент в трактовке образа хозяйки Похьёлы смещен с хитрости на физическое насилие.

Магия Лоухи лишена поэтичности: заклинания заменены визуальными взрывами черного дыма и вихрями в воздухе. Читатель даже слышит ее хриплый шепот: «ШУУУХ», «ФУУУХ!», «ОООХХ!». Дети Лоухи, то есть болезни, насылаемые на жителей Калевалы («боль, рези, ломота, костогрыз, короста, чирый, холера, чума»), и хищные волки, обитатели лесов Похьёлы, визуализируются как тени, уничтожающие все вокруг.

В комиксе поражение Лоухи оставляет мир в руинах. Макконен превращает ее из мифологического антагониста в архетип тотального уничтожения, где графический язык (деформация форм, хаотичная композиция) заменяет эпическую многомерность.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЭПОСА-АДАПТАЦИИ МАККОНЕНА

Макконен сознательно отказывается от цвета, используя лишь черные линии и заливки на белом фоне. Это не только отсылает к скандинавской гравюре, карельским и финским народным орнаментам, но и подчеркивает контраст между мирами. Черно-белый колер выступает как метафора. Кислотно-зеленые вспышки на рисунках

обозначают магию Похьёлы, сине-серые тона предназначены для сцен в Калевале (холод северной природы).

Развитие действий передается через динамику линий, именно они создают ритм: рваные, ломанные линии передают агрессию (битвы, заклинания Лоухи), периодически теряемый вещуньей контроль над стихиями, а плавные изгибы имитируют озеро Туонелы и слезы Айно.

Аллитерация оригинала трансформируется в *визуальные повторы*: серии одинаковых кадров с движением героев; волнообразные узоры для заклинаний Вяйнямёйнена. Параллелизм («*Топором ударил сильно раз, другой. Валит дерево высокое*») передается двумя симметричными кадрами: замах топора → падение дерева («*С третьего удара повалил он дуб. Упало адское дерево*»); эпитеты («*Старый, мудрый Вяйнямёйнен*») – неизменным визуальным образом: борода + кантеле + темно-синий плащ.

Звукоподражания («*КРААШ!*», «*ДРЫНЬ*», «*БАХ!*», «*ДЗЫНЬ!*», «*БДЫЦ!*») интегрированы в композицию, заменяя эпические описания боевых столкновений. Шаманский поединок представлен через звуковое описание ломающихся костей – «*ХРУУСТ!*».

Миф получает архетипичные геометрические формы: фигура Вяйнямёйнена близка по форме к треугольникам (борода, плечи); сампо имитируют шестерни и угловатые механизмы; Лоухи ассоциируется через острые шипы и когти. В трактовках образов финским художником Макконеном четко прослеживается влияние творчества русской группы МАИ: лица героев дробятся на геометрические фрагменты.

Макконен использует приемы манги и американских комиксов: крупные планы позволяют сделать акцент на эмоциях (глаза Айно), панорамные передают эпический масштаб (вид на Похьёлу как лабиринт скал), рваные рамки создают мотив хаоса (заклинания Лоухи), угловые ракурсы показывают моменты боя, эффекты ударов.

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КОМИКСА

Вербальный язык в графическом романе Макконена сознательно минимизирован. Он стал инструментом ритма и акцента. Повествование и реплики персонажей носят ультракороткий характер. Так, в комиксе Гуйтулы читатель видит следующее:

«Вот из моря муж явился, / из волны герой поднялся, / не был он большого роста, / но и маленького не был, / не длинней мужского пальца, / бабьей пяди не короче» (6).

В версии Макконена этот же сюжет передан таким образом: «*Вышел из моря / смелый герой, / ростом с мизинец*»¹²;

у Гуйтулы

«Только вымолвил словечко, / посмотрел ещё разочек, / видит – муж преобразился, / обновился, / изменился, / ноги в землю упирались, / голова касалась тучи, / борода к коленям свисла, / волосы до пят спустились, / шириной в сажень межглазье, / шириной в сажень штанины, / полторы – в коленном сгибе, / в поясище – две сажени» (7).

Макконен предлагает следующий вариант, лишенный эпических описаний: «*Он изменился, / сменил облик*». Описание боевых столкновений отряда Вяйнямёйнена и людей Лоухи передается через наречные слова и междометия, имитирующие звук летящих стрел и бьющихся копий: «*Огонь! На стены! Вперёд! ФЬЮ! ФУУМ! ВУУМ! ЗЛАНГ! ПЛАНГ!*».

Заклинания заменены агрессивной ономапеей, интегрированной в графику: «*КРААК!*» (ломающиеся кости), «*ВЗЗЗЗ!*» (вибрация кантеле), «*УУУОО!*» (вой ветра). Для передачи эпического духа используются краткие фразы с нарушенным порядком слов: «*Наземь клинки, вояки бесславные!*»; «*Я туда болезни кину, муки загоню нещадно!*» Ключевые фразы дублируются в кульминациях, имитируя рунический параллелизм: «*Крушу! Крушу!*» (при крушении сампо), «*Ухожу. Ухожу...*» (финал Вяйнямёйнена). Описания событий заменяются визуальными метафорами: смерть Айно показана каплями воды на пустом фоне без текста, гнев Лоухи передается «рваными» шрифтами ее реплик, уход Вяйнямёйнена – натянутым белым парусом. Заклинания Лоухи в тексте Макконена обозначены магической тирадой, колдовским бормотанием (*РАДИЕН, АТЧЕ... ФУДНУ... РУТУ... МУББЕН... ОЛМАЙ*). Эти «скорые» слова состоят из двух, реже трех слогов, имеют древнее происхождение и расшифровываются в магическом ключе. Например, Радиен (Radien) – это имя бога неба и хранителя миропорядка в древней саамской религии, оно происходит от скандинавского слова *gād*, означающего «власть» или «управление»¹³. Лоухи обращается к духам, живущим под землей, – властителю ада Руту, злым и враждебным человеку божествам Муббену, Олмаю¹⁴.

Макконен обращается к образам сверхъестественных существ из саамской мифологии, используя их исконные названия, чтобы придать заговору ощущение древней, подспудной силы и культурной аутентичности. Эти имена, звучащие как тайные архаические формулы, становятся семантическими узлами заговора, усиливая его мистическую ауру и связь с архаичными верованиями. Такой прием не только

обогащает текст этнографической конкретикой, но и создает эффект «чужого», неподвластного обыденному пониманию знания, что углубляет ощущение тайны и скрытой угрозы.

Вербальный язык у Макконена подчинен элементам графики. Он работает как перкуссия: обрывистые фразы создают ритм, звукоподражания заменяют описания, а лаконизм концентрирует внимание на визуальной силе эпоса. Слово здесь не созидает мир (как у Лённрота), а отмечает точки взрыва.

Культурное переосмысление Макконеном персонажей «Калевалы» представлено через их демифологизацию, архаичные сюжеты переведены в экзистенциальные темы: жертвенность, бессмертие, тщетность борьбы, природа как мстительная сила.

Графика Макконена – это синтез фольклорной строгости (монохром, символизм); кинетической экспрессии (линии как звуки, кадры как ритм); современной визуальной культуры (от манги до Филонова). Его работа не иллюстрирует, а переводит язык рун на универсальный визуальный код, где даже молчание панели звучит как строфа «Калевалы». Северный ландшафт представлен Макконеном в сюрреалистическом стиле. Ключевым приемом в изображении хозяйки северного края является черно-белый контраст, который выступает как метафора. Похёла изображается как царство кошмаров с искаженной перспективой и неестественными цветами; битва за сампо передана через резкие тени и кроваво-красные вспышки, подчеркивая жестокость конфликта. Вместо традиционных героических образов акцент сделан на психологической глубине персонажей.

Графический роман Макконена – не комикс, а визуальный манифест. Он доказывает, что древние мифы могут говорить с современным человеком на языке психоделической графики, кинематографической динамики и экзистенциальных тем. Его работа продолжает традицию Галлен-Каллелы, но через призму эстетики XXI века – без глянца, с болью и вопросами без ответов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ графического романа К. Гуйтулы и С. Макконена демонстрирует новаторский подход к адаптации рун карельского и финского народов. Трансформация эпической поэтики заключается в визуализации архаичных рун через динамичные комикс-панели и лаконичной текстовой поддержке. Происходит реинтерпретация мифологических образов через визуальную метафору. В версии Гуйтулы акцент сделан на светлый гуманизм эпоса, твердую веру в народ и его будущее. Макконен обращается к «темным» аспектам эпоса (колдовство Лоухи, трагедия Куллерво).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что современная адаптация карело-финских рун в формате графического романа представляет собой акт культурной памяти, реформатирующей коллективное наследие в соответствии с новыми медийными условиями. Противоречивые интерпретации Гуйтулы и Макконена раскрывают внутреннюю амбивалентность мифа, позволяющую каждой эпохе вычитывать в нем собственные смыслы. Этот процесс подтверждает тезис об эволюции изобразительных форм, которая является следствием не «опрощения», но трансмедийного переноса. Архаичный вербальный нарратив, будучи перекодирован в систему визуальных метафор и монтажных переходов, сохраняет свою сакральную и эпическую суть, обретая при этом новую, технологически обусловленную художественную сложность.

Говоря о перспективах изучения интерпретации «Калевалы», стоит отметить, что интерес представляет анализ того, как визуальная нарративизация влияет на понимание сложных сюжетов (например, воскрешение Лемминкяйнена) у читателей, не знакомых с финской мифологией. Дальнейшие исследования могли бы фокусироваться на роли графического романа в преодолении разрыва между академической наукой и массовой культурой, а также на этике интерпретации этнического наследия в глобальном медиапространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Калевала» в творчестве художников. Книжная и станковая графика Карелии / Сост. и автор вступ. ст. С. К. Полякова. Петрозаводск: Карелия, 1984. 119 с.

² Филонов П. Н. Дневник / [Вступ. ст. Е. Ковтуна, текстологическая подгот. И. Лапиной, коммент. Г. Марушиной]. СПб.: Азбука, 2000. С. 39.

³ Там же. С. 215–216.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Группа МАИ оформила 11 иллюстраций, 32 заставки и 29 орнаментальных горизонтальных элементов [7: 325].

⁶ До этого события героями финских комиксов выступали весьма приземленные персонажи, самыми известными из которых является семейная пара Вийви и Вагнер (Viivi ja Vagner). Комикс рассказывает о простых и незатейливых буднях обыкновенной финской семьи.

- ⁷ Самый старый комикс по мотивам «Калевалы» опубликован в 1939 году в первом альбоме об Антти Пуухаара (Antti Puuhaara), написанном Раулем Ройне (Raul Roine) и проиллюстрированном Аарне Нопсаненом (Aarne Nopsanen). Комикс-адаптация основывался на финских народных сказках и повествовал о посещении Антти Пуухаарой загадочной северной страны Похьела (Pohjola). Комикс выполнен в традиционном финском стиле с текстом, расположенным под изображениями. Всего с 1939 по 1956 год вышло 11 альбомов. В других альбомах серии темы «Калевалы» не использовались. Стрип-комикс Пекко (Pekko), нарисованный Вели-Пеккой Аларом (Veli-Pekka Alar) и выходивший в 1971–1981 годах, временами черпал юмористические сюжеты из «Калевалы». Например, один из второстепенных персонажей, бородач Вяйски (Väiski), был очень похож на Вяйнямейнена (Väinämöinen) [13], [14].
- ⁸ Гуйтула К. Калевала: [по мотивам «Калевалы» Элиаса Лённрота: Комиксы] / Пер.: Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 1. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁹ Филонов П. Н. Дневник... С. 337.
- ¹⁰ Например, финское слово *tyttö* ‘девушка’ обладает широким синонимическим рядом слов, взятых из карельского и финского языков, – *neiti*, *imri*, *tytär*; синонимом заимствованному из русского языка слову *viesti* ‘известие, весть’ является финское наименование *sanoma* [8].
- ¹¹ В русском переводе графический роман Сами Макконена «Калевала» издан в 2025 году ИД «Городец».
- ¹² Макконен С. Калевала. Графический роман / Пер. А. Воронкова, Н. Братчикова. М.: Изд. Дом «Городец», 2025. 296 с.
- ¹³ Saamelaiskulttuurin ensyklopedia. Helsingin yliopisto. Arkistoitu 1.7.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fi.wikipedia.org/wiki/Radien> (дата обращения 01.11.2025).
- ¹⁴ Верования, суеверия, мифология и культ саамов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pogoda51.ru/2-3-verovaniya-sueveriya-mifologiya-i-kult-saamov> (дата обращения 01.11.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Из истории «Калевалы» // Калевала / Пер. Л. П. Бельского; Под ред. Д. В. Бубриха; Предисл. И. М. Майского. М.; Л.: Academia, 1933. С. IX–XX; Примечания. С. 311–323.
- Дорофеева Е. Образы «Калевалы» в изобразительном искусстве // NORSE.RU. Скандинавия порусски: Онлайн-издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://norse.ru/culture/suomi/kalevala.html> (дата обращения 31.07.2025).
- Дорофеева Е. Самое уникальное издание «Калевалы» – какое оно? // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ». 28.02.2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://godliteratury.ru/articles/2023/02/28/samoe-unikalnoe-izdanie-kalevaly-kakoe-ono> (дата обращения 31.07.2025).
- Муллонен И. И., Соини Е. Г. Д. В. Бубрих и «Калевала» // Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2015. С. 14–22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_statii/bubrih_cht_2015.pdf (дата обращения: 09.05.2025).
- Ракин Н. А. Языковое своеобразие «Калевалы» и ее коми перевода (диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе А. И. Туркина) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 15–28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-svoebrazie-kalevaly-i-ee-komi-perevoda-dialektizmy-arhaizmu-i-neologizmu-v-perevode-a-i-turkina> (дата обращения 09.08.2025).
- Соини Е. Г. «Калевала» и мастера аналитического искусства // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 427–436 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala_427-436.pdf (дата обращения 31.07.2025).
- Струкова А. И. «Калевала» школы Филонова: анатомия книги // Искусствознание. 2024. № 1. С. 320–393 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://artstudies.sias.ru/upload/isk/isk_2024_1_320.pdf (дата обращения 01.08.2025).
- Хямляйнен М. М. О лексике карельских рун // Сто лет полного издания «Калевалы»: Тр. юбилейной науч. сессии. Петрозаводск, 1950. С. 152–165.
- Wosley K. The art of Huitula. Kalevala – the comic book [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110712230826/http://www.huitula.com/kalevala2> (дата обращения 08.08.2025).
- Louhi goddess: The mysterious power of the Finnish mythology queen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oldworldgods.com/finnish/louhi-goddess/> (дата обращения 09.08.2025).
- Mitchell W. J. T. The pictorial turn // ArtForum. 1992. Vol. 30. No 7. P. 89–94.
- Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallina: Gaudeamus, 2016. P. 185–187.
- Rohkainen T. Kalevala-aiheisista sarjakuvista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kansalaistalo.fi/josase/images/sariolaartikkeli.pdf> (дата обращения 01.08.2025).
- Sankkila H. Kalevala taipuu myös sarjakuvaksi // Turun Sanomat. 01.03.2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ts.fi/viihde/1074104233> (дата обращения 31.07.2025).

Поступила в редакцию 05.11.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Nadezhda S. Bratchikova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation) ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

GRAPHIC NOVEL AS A REIMAGINING OF THE *KALEVALA* EPIC

Abstract. The primary focus of the study is the analysis of the innovative adaptation of the *Kalevala* text into the graphic novel format by Kristian Huitula and Sami Makkonen. The work reveals how the visual-textual means of comics transform the epic poetics of the *Kalevala*. The forerunners to the reinterpretations in character portrayal were the illustrations by students of the Filonov school. The innovation of Huitula and Makkonen lies in the radical shift from canonical illustrations to comic panels and, ultimately, to the aesthetics of dark fantasy, with an emphasis on character psychology, surreal landscapes, and horror elements. The study reveals unique techniques for synthesizing text and visuals: multi-level diagrams of runes, the use of color as a narrative tool, and ethnographic ornaments. Among the artistic innovations is a visual reinterpretation of key symbols: the Sampo mill, for instance, is presented as a multidimensional artifact combining magical and technological properties. The analysis also addresses the accentuation of “dark” plot-lines (the tragedy of Kullervo, the aggressiveness of Louhi, the motif of death), which reveals the psychological depth of the characters. The graphic novel bridges the gap between the ancient text and a young audience by using a format familiar to the digital era. The study demonstrates that the visual narrativization of the *Kalevala* not only preserves the mythological essence of the epic but also creates new layers of meaning. The author concludes that Huitula and Makkonen’s adaptation affirms the status of the *Kalevala* as a “living” cultural code capable of regenerating itself through modern media. This points to an emerging dialogue between tradition and contemporary art, in which the hybridization of formats enriches the perception of archetypal images, ensuring the epic’s relevance for new generations through the interactivity of visual narrative.

Keywords: *Kalevala*, Filonov, Huitula, Makkonen, graphic novel, dark fantasy, visual philosophy, verbal language, onomatopoeia

For citation: Bratchikova, N. S. Graphic novel as a reimagining of the *Kalevala* epic. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):96–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1340

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V. From the history of the *Kalevala*. *Kalevala*. (L. P. Belsky, Transl., D. V. Bubrikh, Ed.). Moscow; Leningrad, 1933. P. IX–XX; Notes. P. 311–323. (In Russ.)
2. Dorofeeva, E. Images of the *Kalevala* in visual art. *NORSE.RU. Skandinaviya po-russki: onlain-izdanie*. Available at: <http://norse.ru/culture/suomi/kalevala.html> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
3. Dorofeeva, E. The most unique edition of the *Kalevala* – what is it like? *Website GodLiterary.RF*. 28.02.2023. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2023/02/28/samoe-unikalnoe-izdanie-kalevaly-kakoe-ono> (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
4. Mullonen, I. I., Soini, E. G. D. V. Bubrikh and the *Kalevala*. *The Bubrikh Readings: humanities in the European North: Conference proceedings*. Petrozavodsk, 2015. P. 14–22. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrikh_cht_2015.pdf (accessed 09.05.2025). (In Russ.)
5. Rakin, N. A. Linguistic peculiarity of “*Kalevala*” and its Komi translation (dialectisms, archaisms, and neologisms in the translation made by A. I. Turkin). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2013;2:15–28. (In Russ.)
6. Soini, E. G. The *Kalevala* and the masters of analytical art. *The Kalevala in the context of regional and world culture: Proceedings of the international research conference celebrating the 160th anniversary of the Kalevala complete edition*. Petrozavodsk, 2010. P. 427–436. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2010/kalevala_427-436.pdf (accessed 31.07.2025). (In Russ.)
7. Strukova, A. I. The *Kalevala* of the Filonov school: anatomy of the book. *Iskusstvoznaniye*. 2024;1:320–393. Available at: https://artstudies.sias.ru/upload/isk/isk_2024_1_320.pdf (accessed 01.08.2025). (In Russ.)
8. Haemaelaenen, M. M. On the lexicon of Karelian runes. *A centenary of the Kalevala complete edition: Proceedings of the jubilee scientific session*. Petrozavodsk, 1950. P. 152–165. (In Russ.)
9. Bosley, K. The art of Huitula. *Kalevala – the comic book*. Available at: <https://web.archive.org/web/20110712230826/http://www.huitula.com/kalevala2> (accessed 08.08.2025).
10. Louhi goddess: The mysterious power of the Finnish mythology queen. Available at: <https://oldworldgods.com/finnish/louhi-goddess/> (accessed 09.08.2025).
11. Mitchell, W. J. T. The pictorial turn. *ArtForum*. 1992;30(7):89–94.
12. Pulkkinen, R., Lindfors, S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja*. Tallina, 2016. P. 185–187.
13. Rohkainen, T. *Kalevala-aiheisista sarjakuvista*. Available at: <https://www.kansalaistalo.fi/josase/artikkeli/kalevala.html> (accessed 01.08.2025).
14. Sankkila, H. *Kalevala taipuu myös sarjakuvaksi*. *Turun Sanomat*. 01.03.2006. Available at: <https://www.ts.fi/viihde/1074104233> (accessed 31.07.2025).

Received: 5 November 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026